

«БЕРЕСТЯНЫЕ» ЭПИТЕТЫ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

С.А. ЩЕРБАКОВ, доц. каф. лесоустройства и охраны леса МГУЛ, канд. филол. наук

«Орнаментальная вязкость и языковая бездна клюевского стиха» [1] во многом определены богатством и неожиданностью его эпитетов. А.И. Михайлов говорит даже о произведенной Клюевым и Есениным революции в области русского эпитета, которая «заключалась в замене «аристократического» эталона красоты – «крестьянским»...» [2]. К характерным для поэзии Клюева эпитетам он относит цветочные (называя так весьма широкий ряд ассоциирующихся с цветом эпитетов), а также «образованные от драгоценных камней» [2].

Наряду с этими много у Клюева и эпитетов «древесных», то есть образованных от пород деревьев и качеств древесины: еловый, сосновый, березовый, кедровый, пихтовый, смолистый и т.д. Все, что обозначено ими, согласуется с «мужицким раем» – ключевым понятием в творчестве поэта.

Особенно широким диапазоном употребления отличается эпитет «берестяной» – сквозной в творчестве поэта. Помимо программного «берестяного рая», это «сны – берестяные шумы», «Берестяной придел, где отрок Пантелей / На пролежни земли льет миро и елей?..», «стихи – берестяные олени», «берестяная книга», «берестяная щека», «берестяная луна», «берестяные глубины», «берестяной свиток», «берестяной светлый поп», «берестяная борода», «берестяные седины», «берестяной язык», «берестяной пестер молитв», «плешь берестяная деда», «рожом берестяным», «берестяная лампадка», «берестяные крыши» и др. [3, с. 250, 313, 355, 499, 508, 519, 567, 568, 630, 649, 650, 654, 657, 673, 689, 697, 702, 708].

В некоторых случаях: пестер, рожок, лампадка – эпитет «берестяной» прежде всего обозначает материал изготовления названных предметов крестьянского быта, конечно, сохраняя при этом оценочно-эмоциональную нагрузку. Но в большинстве

случаев данный эпитет выполняет уже функции метафоры, ассоциируясь с берестой («наружная ткань коры березы, состоящая из легко отделяемых один от другого тонких, полупрозрачных, гладких слоев белого, светло-желтого, розовато-желтого, красноватого, серовато-бурого и почти черного цветов» [4]) не только по цвету, но и звуку, осязанию, применимости и т.д.

Самая известная в этом ряду метафор завершает стихотворение «Обозвал тишину глухоманью...»:

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностаи...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяной рай.

Конечно, всякая удачная метафора – прежде всего плод вдохновения поэта, но почему же именно эта стала «визитной карточкой» Клюева и почему его рай – берестяной? Первая тому причина, на наш взгляд, – ее звуковое оформление: нагнетание сочетаний «ра» и «ре» в последней строке стихотворения, несомненно, усиливает его эмоциональное воздействие. На то, что у Клюева «звуковая организация стиха выполняет определенную функцию» указывал В.Г. Базанов [5, с. 224]. О постижении Клюевым «души жизни звука» и его «звуковой гармонии» («образ и звук суть единство») писал и Андрей Белый [6].

Вторая причина та, что береста – покров живого организма – символизирует у поэта все живое, «органическое», противостоящее (увы, малоуспешно) железу и каменной скуке города. Кстати говоря, именно в том, что он ставил природу выше цивилизации, видел сам поэт свою главную «вину» перед советской властью: «После двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за безумные непродуманные строки из моих черновиков, за прочтение моей поэмы под названием Погорель-

щина, основная мысль которой та, что природа выше цивилизации, сослан Московским ОГПУ в Нарым на пять лет» (из заявления во ВЦИК от 12-го июля 1934 г.) [7].

Кроме того, «берестяной рай» является важной составляющей «мужицкого рая», поскольку сама береста и изделия из нее занимали в крестьянском укладе заметное место (о чем свидетельствует поговорка: «Кабы не лыко, да не береста, так бы мужичок разсыпался» [8]).

Ставить природу выше цивилизации и оплакивать ее Клюев начал задолго до поэмы «Погорельщина», например, в стихотворении 1917-го г. «Уму – республика, а сердцу – Мать-Русь...»:

Железный небоскреб, фабричная труба,
Твоя ль, о родина, потайная судьба?!

Твои сыны-волхвы – багрянородный труд

Вертепу Господа иль Ироду несут?

Пригрезятся ли им за яростным горном

Сад белый, восковой и златобрёвный

дом, –

Берестяной придел, где отрок Пантелей
На пролежни земли льет миро и елей?..

Итак, по Клюеву, «железный небоскреб» и «фабричная труба» – это приношение Ироду, а белый сад и «златобрёвный дом» – Господу. При этом сад и дом обобщаются одним понятием – «берестяной придел». Но это не есть рай небесный или хотя бы земной, «мужицкий», потому что сама земля тяжело больна (Целитель Пантелеймон лечит ее, а не сынов человеческих). Анализируя другие произведения Клюева, С.Г. Семенова пишет: «Да, природа сохраняет в себе божественный отблеск, божественную идею о себе (иначе она не могла бы быть для поэта расстилающейся по лицу земли притчей духовных смыслов), но и она «болеет» («Земля – болезная сестрица») в своем послегрехопадном состоянии, «рыдает о рае», о дне незакатном, где остановлено губящее время и воцарилось вечное пребывание существ, вещей и качеств («вечен листы изумруд»)» [9].

То есть метафоры «мужицкий рай», «берестяной рай» и «берестяной придел» хотя и близки семантически между собой, наполнены каждая своим особым смыслом. «Берестяной придел» – это то, что было до грехопадения и, возможно, еще будет (если «сыны-волхвы» сумеют провидеть праведный путь) «берестяным» или, говоря шире, «мужицким» раем.

Метафора «сны – берестяные шумы» основана на свойстве практически невесомых пластинок бересты едва слышно шелестеть при малейшем дуновении ветра. При этом подчеркивается сама «легкость» сна (можно вспомнить пушкинскую метафору «перстами легкими, как сон» из стихотворения «Пророк», вошедшую впоследствии в литературный обиход).

По схожему принципу построена метафора с определением берестяной в посвященном Сергею Есенину стихотворении «В степи чумацкая зола...»: «Словесный брат, внемли, внемли / Стихам – берестяным оленям...». Здесь происходит сближение бересты и оленя (конечно, северного) по их окраске, серовато-белой. При этом словосочетание «берестяной олень» можно воспринимать и в буквальном смысле как вырезанную из бересты или начертанную на бересте фигурку оленя – такие изображения характерны для культуры северных народностей. Тем более, что поэзии Клюева вообще свойственно «такое внимание к лопарскому «берестяному чуму», к рунам «Калевалы» [5, с. 220]. Таким образом, процесс стихосложения в данной метафоре уподобляется резьбе по дереву, недаром В.Г. Базанов отмечал, что «Клюев был «красным древоделом», поэтом-живописцем, придававшим огромное значение зрительным образам...» [5, с. 226].

«Берестяная книга» и «берестяной свиток» вызывают прямую ассоциацию с берестяными грамотами древнего Новгорода. По берестяной книге («Заутреня в татарское иго...») ведется служба, т.е. в лихую годину благодаря ей сохраняется вера отцов. Берестяной же свиток («Есть демоны чумы, проказы и холеры...») поэт, тоже в лихую годину, заполняет сам:

Но в боль берестяному свитку
Перо, омокнутое в лаву,
Я погружу его в дубраву,
Чтоб листопадом в лог кукуший
Стучались в стих убитых души...

Другая семантика у эпитета «берестяный» в метафоре: «Мой ландыш березкой возник, – / Берестяный звонок язык...» («Плач о Сергее Есенине»). Здесь «берестяный язык» – не только звонкий голос Есенина, но и язык самой русской земли, его породившей:

И слушала бабка-Рязань,
В малиновой шапке Кубань,
Как их дорогое дитя
Запело, о небе грустя.

Такие метафоры, как «берестяная щека» («Ни песня, ни звон покоса...»), «поп... с берестяной бородой» («Заозерье»), «берестяные седины» («Плач о Сергее Есенине»), «на плешь берестяную деда» («Погорельщина») и т.д., пожалуй, наиболее однозначны. Сближение здесь происходит по внешним признакам: цвету и особенно осязанию – прикосновение к чуть шероховатой поверхности бересты, действительно, по ощущению напоминает прикосновение к человеческой коже, а тонкие отслоившиеся полоски бересты похожи на седые волосы.

Стоящая, казалось бы, в этом же ряду метафора «берестяный светлый поп» («Заозерье»), построена совсем по другому принципу. Эпитет «берестяный» в данном случае очень мало говорит о внешнем облике «отца Алексея из Заозерья», зато многократно усиливает значение эпитета «свет-

лый», т.е. несет на себе прежде всего эмоционально-оценочную нагрузку. Конечно, «берестяным» служителю церкви оказался еще и потому, что приход его расположен в лесном краю и ему «ружит деревня, / Как Велесу при Гостомысле».

Таким образом, можно сделать вывод, что причина особой любви поэта к «универсальному» эпитету «берестяный» заключается в богатстве смыслов, которыми для него этот эпитет обладал, и красоте его звучания.

Библиографический список

1. Лазарев, В. Об особенностях творческого развития Николая Клюева и их современном восприятии / В. Лазарев // Николай Клюев: Исследования и материалы. – М.: Наследие, 1997. – С. 17.
2. Михайлов, А.И. Николай Клюев и мир его поэзии / А.И. Михайлов // Сердце Единорога (вступ. ст.). – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 71.
3. Клюев, Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н.А. Клюев; предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. – СПб.: РХГИ, 1999.
4. Лесная энциклопедия: В 2-х т. / под ред. Г.И. Воробьева. – М.: Советская энцикл., 1985. – С. 78.
5. Базанов, В.Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева / В.Г. Базанов – Л.: Наука, 1990.
6. Белый, А. Жезл Аарона: (О слове и поэзии) / А. Белый // Скифы. – М., 1917. – №. 1. – С. 189–190.
7. Азадовский, К.М. Николай Клюев: Путь поэта / К.М. Азадовский. – Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1990. – С. 313.
8. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 тт.) / В. Даль. – М.: Рус. яз. – 1989. – Т. 1. – С. 83.
9. Семенова, С.Г. Поэт «поддонной» России (религиозно-философские мотивы творчества Николая Клюева) / С.Г. Семенова // Николай Клюев: Исследования и материалы. – М.: Наследие, 1977. – С. 40.